

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Виктория Коритнянская Воспоминание-боль моей мамочки...

— толкнула в яму еще до выстрела. А ночью на рассвете они выбрались из этой ямы... И мамочка вспоминала, как хваталась, цеплялась пальцами за мерзлую, липкую от крови землю... Как разошлись потом с той женщиной в разные стороны, и она даже имени ее не спросила... Так всю жизнь и вспоминала — ТА женщина...

Мама тогда пошла в село. И у крайнего двора зашла в сарай... А может, это был свинарник. В том сарае — поросенок, а в корыте у него — недоенный кабачок... Мама съела тот кабачок и легла, прижалась к ребеночком к поросенку, чтобы согреться... В эту грязь легла, представляете? А утром зашел в сарай хозяин. И мамочка вскочила, стала просить:

— Не выдавайте! Христом Богом молю, дяденька, не выдавайте!

И тот в ответ, чуть не плача:

— Господи, дивчина, як же це? Як же? Нас же всіх постріляють... В мене ж в самого трое дітей і мати старенька...

А потом ночью отвел ее к бабушке Насте, та жила на соседней улице, вроде как на краю села (на улице Радянській), и у нее было четверо детей... Понимаете, легче было их там спрятать... И маму там переодели, повесили ей на шею крестик, и стала она не Лия Пиллер, а Лида Пилленко. А Изя стал Толя, но это уже потом... Его называли, как девочку, потому что, мама рассказывала, одевали его в платьишко байковое и косыночкой, так низенько, личико завязывали, чтобы не видно было, что это мальчик... А если немцы или румыны во двор заходили, мама с братиком быстро на печку или куда там ложилась и сверху тряпьем укрывалась. И бабушку, если спрашивали: «Кто такие?», она: «Больные тифом...», — отвечала...

Жили они в постоянном страхе... Все время боялись, что кто-то узнает и сдаст... А однажды... Зашел в хату румын. Посмотрел, Наташа — старшая дочка бабушки Насти, стояла, Изя, он же тоже, как девочка, в платьице и платочком повязанный, Ганночка — самая младшая и Лена с Яшей — сыновья...

— Когда это ты столько детей нарожать успела? Что, девки одни? — спросил.

— Нет. Вон, два сына, — бабушка отвечает.

А Ганночка красивая была... Волосы у нее были густые-густые...

И румын тот вдруг схватил Ганночку, выскочил из хаты и... побежал огородами... Подняли, конечно, крик, догнали его, девочку забрали... А он плакал потом:

— У меня, — говорил, — дочка дома осталась такая же. Я ничего б ей не сделал... Я б ее не обидел... Я только посидеть с ней хотел...

И все люди вокруг, кто стоял и слушал, тоже плакали...

Дожили мамочка с братиком до Победы... Спасли их люди... А муж, отец Изи не дождал... Звали его Овсей Исаакович, фамилия — Горенман. Он был старше мамы на шестнадцать лет.

Мама моя родилась в 1918 году, в селе, в Херсонской области. И папа мамин, мой дедушка, был рассержен: он сына хотел, а тут — девочка! И не забирал бабушку с мамой из роддома, пока та сама не вернулась. Пришла домой, зашла в сарай и отравилась крысиным ядом. Дедушка, конечно, себя очень корил и простить себе не мог, но жизнь, она же продолжалась... Маму вскоре отдали в детдом, дедушка несколько раз женился, но ни одна из его жен не хотела принимать сироту, и мама до семнадцати лет «кочевала» по интернатам, потом поступила в кредитно-экономический техникум в Одессе. И там на нее обратил внимание Овсей Исаакович. Он преподавал в техникуме математику, и мама, худенькая, маленькая, с густыми длинными косами

и скромной улыбкой, ему понравилась. Мамочка была плохо одета, и однажды он подошел к ней и сказал:

— Приходите к нам домой, мама подберет вам что-нибудь из одежды...

И мамочка пошла. А потом ее пригласили на праздник, затем еще по какому-то поводу, и так они стали дружить и общаться. В 40-м году, в ЗАГСе возле Оперного, поженились, а 3 января 1941 года у них родился сыночек Изя, Исаак. Жили хорошо. В доме на Пироговской, 5, я говорила уже, была у них хорошая, прекрасно обставленная квартира... Пока... Не началась война... Я не знаю, почему они остались в Одессе... Овсей, муж мамочки, наверное, пошел в ополчение... Он служил в порту, в противовоздушной обороне, и днем, 15 октября, когда последние советские войска покидали Одессу, прислал мамочке записку, что они оставляют город, но взять ее с сыном он, увы, не может... Что случилось дальше с Овсеем, мы не знаем... Потом, когда братик вырос, он пытался найти о нем хоть что-то, но нет... Пропал человек, бесследно пропал³...

А мама с 6-месячным Изей осталась в квартире. Вскоре к ним, как зверь, ворвался румынский жандарм. Он выстрелил вверх по красивой, из хрустального стекла, люстре. Стекло полетело вниз, мама, прижимая к себе сына, закричала. И румын... увидел у нее во рту золотой зуб. Он тут же достал из кармана маленькие ножнички с загнутыми кончиками и показал, чтобы мама сняла коронку. Мама тут же сняла, отдала ее румыну, а тот что-то закричал, ударил ее и выгнал из дома. Выгнал раздетой, не разрешил ничего взять с собой...

После этого мамочка с Изей попала в колонну, которая шла на Сортировочную... Как она там очутилась? Может, ее арестовали? Не знаю... Потом, мама уже рассказывала, их гнали в Доманевку... Два румына и немцы-колонисты... Где-то 500 евреев было в этой колонне... Тех, кто отставал или не мог идти, расстреливали по дороге... Шел конец октября, и было уже холодно... А мамочка была совершенно раздетая, и мой братик тоже... Когда колонна шла через какие-то деревни, люди бросали им кусочки хлеба, картошку, что-то из одежды... И однажды... Одна женщина бросила валенки... Мама словила один и опустила в него Изю и так и нешла всю дорогу, в валенке... У мамы от всего этого ужаса, голода и холода не было молока, и она давала Изе сосать губы... От этого у мальчика был кровавый понос. А у мамочки вместо губ была сплошная рана...

Три дня шли они из Березовки в Доманевку. А когда пришли, их разместили в клубе (размещавшемся в здании бывшей синагоги), и там они находились... А в ноябре 41-го года жандармы и полиция Петр Кузниченко повели мамочку с Изей вместе с другими евреями на расстрел. Там недалеко, на горке, рядом с колхозной овчарней, были вырыты большие силосные ямы. И их расстреляли, но женщина, ТА женщина спасла их... Так удачно все сложилось... Немцы потом, в самом конце стреляли сверху, добивали раненых, но мама с братиком лежала под убитыми, и их не задело... И мамочка всю жизнь с ужасом и страшной болью вспоминала, как лежала на убитых, мокрых от крови телах... Как зажимала рукой Изе рот, чтобы тот не заплакал...

Такая вот история... Такая боль... Мамочки не стало в 83-ем году. Она всю жизнь проработала в Доманевке, главным бухгалтером на Маслоульзаводе... В Одессу так и не вернулась — все чего-то боялась... Вышла замуж потом за украинца, за моего папу, Трофименко Якова, сына бабушки Насти, родила еще двух детей: Леню и меня...

Счастливые молодожены. Горенман Овсей и Лия, 1940 г., г. Одесса

Папа мой 27-го года. Ему, когда началась война было четырнадцать лет. Немцы, как пришли, забрали его в трудовую армию, и он в Румынии рыл окопы. Во время бомбежки ему в ногу попал осколок, и он долго болел... После войны папа вернулся домой, и они с мамой поженились... Мамочка как-то, еще в селе румыны стояли, сказала бабушке:

— Кто меня, нищую еврейку с ребенком возьмет? Не будет у меня уже больше ни мужа, ни детей...

А та ей ответила:

— Возьмут, вот увидишь! И девочку родишь. Родится она у тебя в середине года, в середине месяца, среди недели, в середине дня.

И действительно, в 46-ом я родилась, в мае, 15 числа, в среду, в три часа дня...

¹ Массовые облавы на евреев начались в Одессе после взрыва комендатуры на улице Маразлиевской, 22 октября. В течение последующих дней евреев выгоняли из квартир и колоннами гнали в одесскую тюрьму и местам «акций». Боровой С.Я. в рукописи «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации» писал: «Во второй половине дня 23 октября евреев начали тысячами сгонять в тюрьму». 24 октября: «Десятки тысяч евреев — мужчин, женщин, стариков, детей — сгонялись под конвоем в тюрьму и двигались «добровольно», вдоль увешанных трупами улиц в Дальник, подгоняемые полицейскими. Больные, слабые, калеки, не выдерживающие темпа движения, пристреливались тут же на месте. Весь длинный путь к тюрьме и Дальнику был усыян мертвцами. Конвоиры по дороге грабили обреченных на гибель людей. Тысячи людей, следуя мимо первого и второго еврейского кладбища, вливались во двор старой Одесской тюрьмы, за ними закрывались ворота. Другой поток, двигаясь через Молдавнку и бесконечно длинную Дальническую улицу, шел на Дальник».

² В очерке использованы воспоминания С. Штаркмана и Н. Гнатюк, опубликованные в книгах «Дорога смерти» (Одесса, 2003 г.) и «Большая сквозь год» (Одесса, 2005 г.), а также данные из книги «Праведники народов мира. Праведники Украины, спасители: Николаевская обл.» (Николаев, 2016 г.).

³ В Обобщенном банке данных «Мемориал» обнаружены сведения о пропавшем без вести Гореман Овсее Исааковиче, родившемся в 1906 г. в селе Ободовка Винницкой обл. Овсей Исаакович был призван в РККА в Кагановичском р-не (от авт. — в настоящее время Приморский р-н) г. Одессы в июне 1941 г. Красноармеец, солдат, член ВКП /б/. Пропал без вести (данные из списка уточняющего потери за июнь 1944 г.). В графе «Родственники» указана сестра, Гореман Ида Исааковна, проживающая по адресу: г. Одесса, Каретный переулок 29/16. Часть сведений о О.И. Горемане приведена также в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом. 1941-1945 гг.», Т.1, 1994 г.

В 2021 году 14 мая в Украине на государственном уровне впервые отмечали «День памяти украинцев, которые спасали евреев во время Второй мировой войны». Действительно, нашей стране есть чем гордиться. По количеству Праведников народов мира Украина занимает четвертое место после Польши, Голландии и Франции. И это, заметим, только официальная статистика (данные музея «Яд-Вашем» от 01.01.2020 г.). На самом деле людей, спасавших в Украине евреев, гораздо больше... Имена их теперь, к сожалению, в силу разных причин вряд ли уже когда-нибудь будут увековечены на Горе Памяти в Иерусалиме. Супруги Петр и Любовь Радько и Анастасия Трофименко — из таких безымянных...

Но 2021 год знаменателен не только этим. В июне исполняется 80 лет с начала Холокоста на территории бывшего СССР, трагедии унесшей более 2,5 миллионов жизней. А в октябре 1941 года началось «решение еврейского вопроса» в Одессе. С первых дней оккупации города евреи почувствовали на себе всю беспощадность новой власти. Период этот сегодня отмечен многочисленными местами скорби: в Одессе, Богдановке, Доманевке, Акмечетке, Мостовом, Лидевке и других городах и селах на территории бывшего губернаторства Транснистрия, там установлены памятные знаки... Более двухсот тысяч евреев были уничтожены там во время войны только лишь потому, что они — евреи.

Первые колонны евреев в сторону Богдановки и Доманевки по так называемой Дороге смерти отправлены из Одессы в конце октября. В дальнейшем, после образования гетто на Слободке, колонны евреев по Дороге смерти шли ежедневно¹...

В одной из таких «октябрьских» колонн шла и мама Тамары Яковлевны Трофименко, Лидия Александровна Пилленко со своим первенцем Исааком. К сожалению, Лидия Александровна рассказывала дочери о тех страшных событиях мало — не хотела, да и боялась, наверное, ворошить прошлое. Но сохранились воспоминания Семена Штаркмана — в то время 12-летнего мальчишки, тянувшего на саночках в той же колонне младших братика и сестричку, и свидетельство 15-летней жительницы села, впоследствии Праведницы народов мира, Надежды Гнатюк. Некоторые подробности из жизни узников в Доманевском гетто, в частности, и приблизительную дату расстрела Лидии Александровны с сыном, мы знаем благодаря этим людям². И, слава Богу, живы еще люди, помнящие имена спасителей мамы и брата Тамары Яковлевны: Петр Радько с женой Любой, рискуя жизнью, не только не выдали найденных в свинарнике беглецов, но и переправили их ночью к «надежной» знакомой — Анастасии Леонидовне Трофименко, которая прятала их у себя в доме на протяжении всей оккупации. Лучшее историческое воспоминание-боль, которое без слез читать невозможно...

Тамара, г. Одесса:

— Я родилась после войны, после Победы, в 46-ом году, 15 мая. Но историю моей мамы могу рассказать. Это её воспоминание-боль... Они жили в Одессе, на Пироговской 5. В октябре 41-го года ее выгнали с грудным ребенком, моим старшим братиком Изей, из дома и этапом отправили в Доманевское гетто. Как она осталась жива, как пережила все и ребенка сохранила, до сих пор не понимаю... А ведь ее расстреливали... Спасла ее одна женщина